

Ж.И.Л.

СЕРИЯ

“ЖИЗНЬ
ИЗВЕСТНЫХ
ЛЮДЕЙ”

СЕРИЯ “ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ”

Иван Просветов
ВАСИЛИЙ ЯН
Дервиш
из созвездия
Плеяд

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(Рос=Рус)6-8
П82

Серия "Жизнь известных людей"

Автор идеи МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ

Составитель ЕЛЕНА ШУБИНА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В оформлении переплета использованы фотографии из архива
Vostock Photo и личного архива автора

Просветов, Иван Валерьевич.

П82 Василий Ян: Дервиш из созвездия Плеяд / ИВАН ПРОСВЕТОВ. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 381, [3] с. — (ЖИЛ).

ISBN 978-5-17-183008-3

Официальная биография писателя Василия Яна, лауреата Сталинской премии, лишь наполовину совпала с реальной. Бывший белогвардейский полковник (и не только!), он чудом спасся на исходе Гражданской войны, запер свое прошлое "на замок" и выбрал литературный труд как своеобразную внутреннюю эмиграцию. Творчество всегда помогало ему жить и преодолевать испытания на прочность. Эта книга — биография-расследование на основе редких архивных и иных документальных материалов, в том числе личных.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-17-183008-3

- © Просветов И. В.
- © Бондаренко А. Л., художественное оформление
- © Vostock Photo
- © ООО "Издательство АСТ"

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1 КОЛЕСО С КРЮЧКОМ	13
ГЛАВА 2 ОСОБЫЕ ПОРУЧЕНИЯ	40
ГЛАВА 3 ВОЙНА И МИР	58
ГЛАВА 4 ГАЗЕТА, ГИМНАЗИЯ, АЗИЯ	74
ГЛАВА 5 КОРРЕСПОНДЕНТ ВЫСШЕГО УРОВНЯ	106
ГЛАВА 6 ПРОЖИТЬ КАТАСТРОФУ	137
ГЛАВА 7 ГРАЖДАНИН СТРАНЫ СОВЕТОВ	198
ГЛАВА 8 “В ОБЪЯТЬЯХ ЧИНГИЗ-ХАНА”	235
ГЛАВА 9 СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ	301
ГЛАВА 10 К ПОСЛЕДНЕМУ МОРЮ	334
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	380
Избранная библиография	381

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любовь Белозерская, вторая жена Михаила Булгакова, называла Василия Яна своим любимцем. “Под верхним светом ярко вырисовывается четкий профиль, как в римской скульптуре, Евгения Викторовича и тонкое лицо типа кардинала Ришелье (в крайнем случае Арамиса из «Трех мушкетеров») писателя Яна... Сидят они на изогнутом старинном диване и мирно беседуют”. Импозантный и на шестом десятке лет, Василий Григорьевич отличался эрудицией, манерами, чувством юмора — знакомые неизбежно поддавали под его обаяние. Белозерская видела в нем “человека такого же широкого плана”, как и академик Евгений Тарле, у которого работала литературным секретарем.

Автору фундаментальной биографии Наполеона был резон дружить с создателем романа “Чингиз-хан”, о котором президент АН СССР Комаров отзывался: “Стал читать — и не могу оторваться”. Тарле когда-то преподавал в Санкт-Петербургском Императорском университете, а Ян (настоящая фамилия Янчевецкий) там же учился. Потом,

как рассказывал он о себе, странствовал по России, публиковал очерки в газетах, три года провел в Средней Азии в путешествиях с научными целями. Был корреспондентом на Русско-японской войне. Преподавал в столичной гимназии. Снова работал корреспондентом — в Турции, а позднее в Румынии. Весной 1918 года вернулся в Россию, в хаосе Гражданской войны оказался в Сибири, скрывался от колчаковской мобилизации, а при советской власти стал редактором газеты “Власть труда” в Минусинске. Примерно в таком виде и публиковалась его биография после награждения Сталинской премией.

А за ней скрывалась большая тайна. Правду знали и берегли самые близкие Яну люди.

Чиновник особых поручений при трех генерал-губернаторах, редактор столыпинской газеты “Россия”, доверенное лицо царского министерства иностранных дел и чрезвычайного посланника Николая II, журналист-разведчик в Константинополе, агент влияния в Бухаресте, противник Октябрьской революции, сотрудник штаба Колчака, редактор белогвардейской газеты “Вперед” — раскрытие любого из этих фактов могло стоить ему свободы и даже головы. Собственно, однажды так едва не случилось: Янчевецкий чудом избежал расстрела, скрываясь в Туве после разгрома колчаковской армии. Когда не удалось эмигрировать, он принял решение остаться в Советской России, позабыть о прошлом, принять новую жизнь — и по возможности заниматься творчеством.

Писателем, а тем более известным, он стал далеко не сразу.

Исторические романы и повести Яна переиздаются до сих пор. Совокупный их тираж исчисляется миллионами экземпляров. Только в СССР “Финикийский корабль” печатался 12 раз, “Огни на курганах” — 17, “Спартак” — 23, “Чингиз-хан” — 120 (и еще был переведен в 30 странах мира), “Батый” — 90 раз, “К последнему морю” — свыше 30.

“Хаджи Рахим был искателем не благополучия, а необычайного, и на сердце его тлели горячие угли беспокойства”, — говорил Ян о любимом герое, срисовав его характер с себя. Своей родиной как бы в шутку он называл созвездие Плеяд, куда надеется когда-нибудь вернуться. “Мне кажется, отец искал романтики, опасностей и приключений, — говорила Евгения Можаровская, приемная дочь Яна. — И опасности и приключения не заставляли себя ждать”.

В первой половине своей жизни он откликался на предложения судьбы, во второй — противостоял ее ударам и испытаниям на прочность. Ян остался в государстве, против которого боролся, первое время даже верил в новый строй — и все же не стал служить “делу коммунизма”. Выход нашел в литературном творчестве — своеобразной внутренней эмиграции. Творчество же помогло не сломаться в постоянных потерях близких людей. Янчевецкий не стремился к славе, не домогался, как Алексей Толстой, Сталинской премии. Высшая государственная награда досталась ему волей обстоятельств. Ключевым мотивом, говоря языком психологии, была для него самореализация. Самые разные люди, знавшие Яна, сходились на том, что его отличала “ненасытная жажда познания мира”.

Первую документированную биографию Яна подготовил в 1960 году его друг писатель Лев Разгон, поведав читателям некоторые подробности дореволюционной жизни автора “Чингиз-хана”. Потом журнал “Ашхабад” напечатал, пусть и в сокращенном виде, сохранившиеся воспоминания Янчевецкого “Голубые дали Азии”. Альманах “Детская литература” опубликовал фрагменты его рукописи “Поиски Зеленого клина” — о детских и юношеских годах и странствиях по России. Скупая биографическая справка начала обретать красочные подробности.

В 1977 году сын Василия Григорьевича Михаил Янчевецкий выпустил книгу “Писатель-историк В. Ян” — настолько правдивую, насколько позволяло время. Однако и там не приоткрылась завеса тайн. Лишь в начале 2000-х Михаил Васильевич позволил себе некоторые откровения. Затем историки и литературоведы начали публиковать архивные и иные документальные материалы, связанные с Яном, — будто пришло время заполнять белые пятна. А в 2017 году вышла книга-расследование “Десять жизней Василия Яна”. Розыски в государственных и ведомственных архивах, изучение библиотечных фондов старой периодики, малоизвестных мемуаров и документальных изданий позволили фрагмент за фрагментом восстановить историю жизни писателя с удивительной судьбой (к слову, сыгравшего заметную роль в становлении восьми писателей и поэтов, из них трех знаменитых Всеволодов — Иванова, Вишневского и Рождественского). Любовь Белозерская не ошибалась, видя в нем человека широкого плана.

После “Десяти жизней...” поиски и находки продолжались. Внучка Яна передала автору материалы из семейного архива, которые ранее не изучались и не публиковались: записные книжки, дневники, фотографии. Так появился “Дервиш из созвездия Плеяд” — текст более глубокий и личностный. Десять глав оставлены, как и прежде, не ради красивого числа. Примерно столько жизненных перекрестков прошел Василий Ян. Каждый раз, выбирая новый путь, он не предполагал, куда приведет его этот путь, и каждый раз мироздание дарило ему возможность двигаться дальше. И теперь во многом рассказ о писателе — это рассказ о воле и неотвратимости, о том, как сплетаются кольца событий, поступков и решений, как прошлое отзывается в будущем и в чем-то непредвиденно становится опорой, а за что-то требует платы. Жизнь вообще — долгая попытка понять, на что человек способен и что ему предназначено.

В заветной книжечке мыслей, которую Ян любил носить с собой, на одной из первых страниц есть выписка из Чехова: “Ни в коем случае не можем мы исчезнуть без следа. Обязательно будем жить после смерти. Бессмертие — факт. Вот погодите, я докажу вам это”.

ГЛАВА 1

КОЛЕСО С КРЮЧКОМ

Пароход приближался к Красноводску. Щурясь от яркого солнца, Василий Григорьевич неотрывно смотрел на туркестанский берег. Сквозь дрожащий от жары воздух проступали низкие беленые домики, пристань, портовые пакгаузы, очертания кораблей и над всем этим — безжизненные, мертвые горы. Янчевецкий знал, что они именно такие, хотя издали и кажутся воздушными, жемчужно-розовыми, манящими неизведанными загадками. Плывешь будто на край света. А далеко-далеко отсюда, в Петербурге, в уютной квартире осталась любимая жена на сносях. Но он, несомненно, успеет вернуться к рождению сына. Конечно же, у них будет сын... Василий Григорьевич помнил, как тревога в глазах Ольги, услышавшей о его решении, сменилась согласием: она понимала, что муж не может отказаться от столь ответственного поручения. Хорошо, что в ожидании ребенка Ольга перестала читать газеты. Те сообщали: “Во всей Персии анархия, участились разбои

и грабежи”. Опасности? Янчевецкий столько раз сталкивался с ними, что твердо уяснил: опасности могут подстергать везде, главное — быть готовым к встрече с ними. Разумеется, он благополучно вернется.

Расставаться было непросто, но жена понимала: другой такой возможности мужу не представится. Горячо желанной возможности. Он давно и непоправимо очарован Азией. И любит большие приключения.

Когда-то, студентом, он сочинил откровенное, пусть и неуклюжее стихотворение — “Вчера был бал”:

...Я у перил
Стоял уныл,
Глядел с тоской и волновался.
Придет иль нет
Моя Нинет,
Я в этом сильно сомневался.

И у перил
Я взор вперил
На промелькнувшее виденье:
Красы полна,
Неслась она,
Стройна, как образ вдохновения.

И я сказал:
“Мой идеал,
Восторг, страданье, прелесть, греза!
Доверься мне,

И на коне
С тобой умчусь я в степь, где грозы.

Где волка вой,
Где солнца зной,
Где ветер злой, бушуя свищет.
Где я один
Среди равнин
И где мне смерть навстречу рыщет!..”*

Как зародилась в нем неискоренимая тяга к странствиям (Нинель тогда ответила отказом: “*Horreur*** какой, на-смешник злой! Достань ты с жалованьем место”)? Наверное, виновником был отец, читавший детям “Одиссею” в собственном переводе. Впечатленный Вася вместе со старшим братом Митей превращал паркетный пол гостиной в морские просторы. Они вырезали из бумаги кораблики-галеры, сажали по бортам бумажных же моряков и на длинной нитке возили их по комнате, рассказывая гостям о невероятных приключениях Одиссея.

Море Василий впервые увидел еще малышом, когда семья обосновалась в Риге. До переезда отец преподавал греческий и латынь в 1-й Киевской гимназии. Казалось бы, древние языки — удел людей тихих. Григорий Андреевич к тому же был сыном сельского священника и сам окончил семинарию. Благословляя на учебу

* Ревельские известия. 1896. 4 августа. (Здесь и далее примеч. авт.)

** Ужас (*фр.*).